

Изяслав Винтерман

ЛЖЕВРЕМЯ

Москва
«Русский Гулливер»
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В48

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров

Винтерман, Изяслав

В48 Лжевремя. Стихотворения. — М. : Русский Гулливер;
Центр современной литературы, 2016. — 86 с.

«Хоть на минуту мысленно присядьте...» Вот яблоко — образ узнаваемый и понятный. А что означают пол-яблока? А четверть? Многие стихи новой книги проделывают с читателем нечто похожее, представляя ему только часть образа в надежде, что остальное он отыщет в себе самом. В стихах чувствуются необходимая сжатость и насыщенность смыслом, требующие принять поэта и его поэзию как форму настоящей жизни, пусть даже и в «лжевремени».

Художник Сергей Байтельман

© И. Винтерман, 2016
© С. Байтельман, 2016
© Idan Barazani, фото, 2016
© Русский Гулливер, 2016
© Центр современной литературы, 2016

ISBN 978-5-91627-175-1

ЛЖЕВРЕМЯ

*Истинное время — это время творения,
время, пока стихотворение продолжается.
Только внутри него и стоит находиться.*

*«Снаружи падает снег, густеют сумерки,
и, в сущности, никто никого не любит...»*

∞

Кто ночь прожил — встать не хочет.
По горлу ветер — дверь закрой.
Ты не успел, и он грохочет
дождем, стреляет кобурой.

Он обгоняет все машины
и поворачивает вспять.
Гнёт правду ветер камышинный
под током слёз, а не 0,5,

смыкает кругом море капель,
откатывает солнце вдаль —
где луч, как жалкий раздражитель
тепла, которого не дал,

сверлит мягчающее темя,
разогревает в горле ком.
...Неостановленное время
обвалится одним куском.

∞

Убивает другая жизнь, а вот эта —
позволяет пожить еще
чем-то средним между зимой и летом,
между деревом и плющом;

Чем-то средним — между судьбой и долгом,
между женщиной и женой;
Тонкорунным овном и серым волком,
но в истории кружевной.

ОТЧАСТИ

1.

Господи, не дай мне умереть,
коли подарил земную шкуру.
Мне еще любить, еще мудреть,
мне еще искать свою Лауру!
Мне еще записывать слова,
что приходят ночью — отовсюду,
продлевая жизнь на миг ловя...
Обещаю: мучиться не буду!

2.

Человек от радости не спит.
Засыпает от переживаний.
Крутит боль свою, как Вессон-Смит,
убивая с помощью названий,

для печали подобрал слова...
Радость рассчитается слонами.
А ему б проснуться — чёрта с два! —
вещими пожертвовать бы снами.

3.

Ледяная пустыня вокруг.

Свет намерз вековой толщиной,
даже лунку в окне не продышишь.

Душит и отпускает... Напишешь

обо мне? — Правды нет никакой.

Только к небу прижмешься щекой,

и — теплеет, и будто не слышишь

зов пустыни ледовой — на юг!

∞

На яблочной диете Ева.
Но червячок не спит внутри.
Налив хрустит, а бог разгневан:
«Послушай, а не говори —

тебе рожать детей, да в муках,
любить, но слать их на войну.
Жизнь это хитрая наука,
давай незнание верну...»

Ладонями закроешь уши,
зажмурится с набитым ртом.
И голос бога — глуше, глуше,
почти невнятный обертон.

∞

Тяжелым цветением пахнет —
цветением ночи с тобой.
Так густо, насыщенно, так не-
возможно — что рядом любой

почувствует страхи и страсти,
бесстыдного воздуха ток.
И ветер — дыханием частым —
погонит клубы на восток.

И мы понесемся долиной —
по острым ее позвонкам.
Ты будешь водою вдоль линий
любви, проведенных по нам.

∞

Я видел, как стучал в стекло
и гиб наверняка.
От облаков его несла накло-
нная река.

А я — свободный от огня,
от цвета вод с небес.
От глаз, спешащих отогна-
ть его от гиблых мест:

не важно, суша ли оно,
железная ль вода.
Из божьих дел удалено
различие, уда-

лена немалая их часть —
нет слов и сил на них.
Стучал в стекло, так постучать
мог только ты и ник-

то другой.

∞

Ветер бросается на окно, весь сотрясая дом.
Ужас выдавливая из нот, радующих потом.
Только что возненавидя свет и отключая слух —
ветер отыгран сто раз, спет, и наизнанку — сух.

Кто же увидел в нем дождь, снег, новых уродств боль.
Ветер бросается зол, слеп — вырвавшийся коббльд.
Он обойдется без слов, ласк, день оборвав, связь.
Сколько бы ветром ты ни клялась, он в нашем окне увяз.

ДИПТИХ

1.

Есть у нас дождик московский,
резкий, когда моросит.
Город светящийся, жесткий
диск на мгновенье висит

на волосках нервной ткани.
Светом пульсирует кровь.
Время в граненом стакане.
Грани играют любовь

к речи, пронизанной ртутью —
столбиком до сорока;
к речке — земли перепутью,
слишком земля широка;

к жизни — сухой или влажной
с вечной привязкой к местам.
Мир умирал, и не важно
что я сказал ему там,

что наливал ему — пили,
строчки какие читал.
...Если меня не любили,
значит, я сам перестал.

2.

Жизнь обрастает сентябрем.
Опущен, как в театре, занавес.
Он пылен, из него бьет гром,
он поднимается — всё заново.

Так действием заправляет Зевс!
И протекает жизнь культурная.
И слезы натуральны здесь,
а кровью — ленточка пурпурная.

Пусть нету связей смысловых
у времени для каждой мелочи,
но бьются тысячи живых
в сетях дождя, плыть не умеючи,

сказать по делу, попросить,
поклониться жизнью! Третий занавес.
Московский дождик моросит:
что, мол, никто не держит зла на вас...

∞

Кукурузные хлопья — хрустит листва.
Дождь настроился и не ждет.
В темноте задыхается, мнет слова
и сильнее по мне идет.

Человек застывает, летит листва.
Сны в копье, пробужденья щит.
И желанье его умереть сперва
уживается с просьбой: жить!

И на фоне неба, дурного сна,
листьев, съеденных ртутной тлём —
он грустит острее, насмотревшись на
всех, не помня, какой он злой.

∞

Петербургские аллеи тяжелы.
В бой — на желтое — бросается Нева,
на рассвет, мы только ожили,
чтобы чувствовать слова;

На слова — они щемящи и кислы,
будто кофе загустел во рту.
Стену, что напротив, перекрасили,
но глаза не видят, помнят ту.

Удивляешься: как слепы и глухи
те, кому бы слушать и смотреть.
И водой с песком — от шелухи
очищаем жизнь и даже смерть.

∞

Мне снились вопросы, но я не ответил.
Присниться еще раз бы им.
И были в движении листья и ветви,
и небо казалось больным.

Я дальше молчать приготовился тоже,
к упрямому взгляду, как сталь.
Еще раз присниться бы им, я бы ожил,
и всех разговорчивей стал.

∞

Тоска придет и отнимет всех...
Приходит! — Страхом к твоему зайчишке!
И пыльный свет или пыльный мех
гасит звуки перед затишьем.

И всем, возможно, еще светло
и радостно, только мне — по-другому.
Как будто дождь, я стучу в стекло
с той стороны кругового дома.

В колодце воздуха, в злых стенáх,
и звуки собраны в узел стоя.
Напрасно требовать и стенать,
молиться можно, но вряд ли стоит.

∞

Нужно листьев палых собрать мешок,
а потом караулить пьяных.
Это ветром качает кого?.. Смешок —
это чей злит других упрямых?..

И собака чья по косой: цок-цок,
на подпитии, в рваной шкуре?..
Будто в лужах заложен заряд — в лицо
он взорвется, когда закурят.

И тогда рассыплется осень в пух,
и опять разлетятся листья.
Соберешь в дырявый мешок испуг
здесь, на месте кровопролитья.

∞

Дождь меряет температуру
осевшим башням и мостам.
Живую с мертвою натуру
разводит по своим местам.

И мы схватились бы за воду,
не будь небес, не будь земли.
Назло короткому заводу
и дождь идет, и мы бы шли

спасением от лихорадки,
горячки и разбитых снов.
От лба отскакивают прядки,
и тело прочь из берегов.

Нам рано расставаться снова
и больно продолжать вдвоем.
Но никому, поверь на слово,
мы больше не нужны живьем.

∞

Народ поет, хотя не может
не знать, как плохо он поет.
На головную боль умножит
душевную, и не поймет.

В нем каждый хочет быть собою,
точнее, вытеснить меня.
Я мучаюсь, прожекты строю:
заткнуть их, но они — родня!

«Врача, пожарника, юриста!..»
Кто б умереть быстрее помог.
Без слов и музыки так чисто —
не слышно или дышит бог.

∞

Листья за мной бегут.
Дождь не включают, пока
спрячется Робин Гуд
по сигналу рожка.

Осень — кубики льда
в кубок и — пей до дна? —
Чувствуешь холодá? —
Песня — не холодна!

Она начинается тут,
где мучает дождь-игла.
Листья за мной бегут —
в четыре разных угла.

∞

Дождь безумный драит листьев медь —
и к шести утра блестит округа.
Он счищает ржавчину, как смерть,
что коснулась краешком испуга,

завершая то небесный круг,
то земельный, что на ярус ниже.
Понимаю: никому не друг,
не открыт навстречу, а обижен.

Неужели дальше — медлен жест,
чувства блеклы, сад — увы, но скучный.
И любовь не даст понять что есть,
но как цвет бесцветный, звук беззвучный.

∞

Ночь, разломанная во сне.
Магма ее ядра —
свет, бросающийся на снег,
сыплющий до утра.

Сон вернет мне, что явь не даст,
вплоть до отдельных слов.
Беспробудною толщей — наст,
льдистою коркой снов.

Рано утром, часам к пяти,
к сериям ни о чем,
размывается боль пути
выдохшимся лучом.

∞

Буду любить от радости, не от горя.
Глядя слегка завистливо, как с вершины
кто-то спускается, задыхаясь от вида моря —
чудо его свершилось!

Что его ждет внизу? — (Не вдаваясь в детали),
дети, родители, сказки о добрых йети?..
А здесь, среди зелени ленной и вод талых —
жизнь тысячелетий.

Дай ему бог нарадоваться, как довод —
жить! Женщину дай, чтобы мириться с горем.
Дай ему море, сияющее медово
краешком над плоскогорьем.

∞

Еще одна реальность в дверь стучит,
в окно, в висок, в свернувшуюся набок
башку. И противопожарный щит —
огонь любви не сдержит — и не надо!

Я отдаюсь ей, встав, исполнив гимн,
расположив слова по нарастающую.
Свой голос тихий слышу — стал другим,
а раньше бы трубил во всё желанье...

ПОСВЯЩАЕТСЯ СНЕГУ

1.

Выпал снег. Слой по самые уши машин.
Вот, пора вспоминать, где лопата.
Где лопата, где я? — Я себя рассмешил,
в облаках рассмешил телепата.

Надувные он гонит на всех облака.
Мы б не сдулись, чтоб снег из нас сыпал.
Лучше мерзнуть, не сопротивляться пока
из-за холода и недосыпа.

И к соседу — за взглядом его *не-жены* —
выйти, будто из снежного клуба —
не за солью и спичками (вправду нужны),
но за радостью тех, кого любят.

2.

Ничего естественного не будет —
ни дождя, ни снега.

Будут: язвы, саранча, лягушки;
золотое небо, огонь до неба;
вода для гуши, земля для юшки,
прозрачные люди.

Лед, текущий остывшим светом
жизни и смерти,

вспышками их не к месту.

И поющий на выбор с ветром:
оду к радости, следом — мессу
торжества мести.

3.

Папе

За меня боролся этот ангел,
чтобы я не умер никогда.
Белым снегом на пятнистом танке
заезжают в город холода.

Полечу на кроличьей ушанке
и в подмышках мраморных Венер
спрячусь и усну, и снега ангел
жизнь преобразит на свой манер.

Я поверю в нужность слов и силы
и в борьбу за лучший мир, не свой.
«Отпусти его...» — тебя просили
за меня, пока я был живой.

4.

Ничего не сделаешь со словами:
«снег пошел, снег идет опять».
Кто дежурит, где он?.. Прошу, здесь дамы...
Вот и он, чтоб снежок топтать.

Вот и он: весь в белом и будто в коме,
жаль, не хочет дежурство сдать.
Мы к вечерней смене все-все знакомы,
даже можем друг другом стать.

Ничего не сделаешь со словами:
«снег пошел, снег идет опять».
В этом цель зимы — постоять над нами
и быстрее дежурство сдать.

Все больные в белом и будто в коме.
Кто не умер, быстрее спать.
Но к вечерней смене мы все знакомы,
можем даже друг другом стать.

ПОЭТ

Он раньше нищ бывал и беден,
на мраморе тоски блевал.
Ночной кошмар ему был вреден,
а днем он не существовал.
Он был волшебник и алхимик —
(вода, огонь, огонь, вода) —
вся жизнь и соткана такими
словами — раз и навсегда!

Из этой, раз ожившей, ткани
он сам, и для него теперь
существование не станет
концом, всегда найдется дверь.
И вот по ведомству другому
он служит, в никуда ведя.
Не беден, не привязан к дому —
(вода, огонь, огонь, вода)...

∞

Какой же фрукт ты спрячешь между ног?
Я помню: были яблоко и персик.
И ты дразнила, это твой конек,
что любишь старших, ибо скушен сверстник.

Пылятся сухофрукты на столе:
изюм и чернослив смолистый рядом.
И ты молчишь последние сто лет.
...Я помню абрикос под виноградом.

∞

Виноградных наемся листьев —
нить тyani из меня тугую,
шелковую,
чтобы резала горло,
не оставляя слéда.

Шрам только-только заживший —
строчку ты прочитаешь
пальцем,
что я хотел бы сказать,
но не так — как сказал...

Виноградные листья
свернутся —
ветер начинкой.
Что-то молчит шелкопряд,
тянет время.

«Живую душу не словить»

Всё музыка — *для паука* —
до боли знакомая классика!
В движениях мухи — тоска.
А в жизни и в смерти есть пластика —
должна быть! Но сколь ни тяни,
лишь грязные звуки сопутствуют,
любовью несшитые дни
и смертную душу — он чувствует.

А мушке —
«Пойди разберись
со всеми хитросплетеньями.
Какая дурацкая жизнь,
хотя и прекрасна мгновеньями.
То черный в душе хоровод,
то белый — воздушными хлопьями.
Кончается, видно, завод,
с притопами плохо, с прихлопами...».

∞

Я мог бы тысячу и раз...
И тысяча и ночь вдобавок.
Считай, мой свет, до ста, и рас-
скажи другим, (прошу, без правок),
как было, скольких я потряс...
Насколько твой хорош рассказ?

Не торопи, пожить нам дай,
дай вместе надышаться светом,
потом пролиться через край
при *water low*. Ты угадай,
насколько воплотились в этом...
И всё словами передай.

∞

Только дают нам жизнь — и тут же назад.
«Жалость к себе?» — Так мне тебя назвать,
так описать, чтоб вымолить полчаса?..
Блекнет жизнь, черная полоса...

Сердце разорвано, кровь по земле течет.
Небо изранено, небо уже не в счет.
...Ну, кто ж здороваётся так, не глядя — с кем.
Эй, кто ж прощается так, недоволен всем.

СМЕЛЫЕ СТИХИ
(подражания)

1.

Столько зим исповедовал ленинский тезис,
избегая похожих событий в апреле.
Типа — шесть дней — готово, напрасно мы прели.
Жизнь всегда преподносит сюрпризы по сути.
Только тезис мой (будто я Шиш или Лесин*),
типа: все бы вы «на..!», типа: «шли бы вы лесом..!»
Я не то что — жена, возводящая в степень
то, чему научили ее в институте.
Значит так, вы идете все «на» и сегодня,
отправляетесь прямо сейчас, адрес вот вам.
Только не возвращайтесь, когда вам угодно,
только не возвращайтесь по льготам и квотам.

*поэты Шиш Брянский и Евгений Лесин

2.

Имели нас по всем статьям,
хотя и стойки мы к гипнозу.
Свобода, друг мой, в том, что сам
ты выбирал страну и позу.

И в этом — жизнь была за нас.
Спишу на возраст (я же автор),
на время, деньги, госзаказ,
да хоть на атомный реактор —

судьбу! На выкорм нам вручат
волчат, дав кодекс овцеводства
и одиночества печать
за безупречное отцовство.

3.

С позиций смысла здорового —
мы не жильцы в стране.
От легкого, кровавого,
съедобного и не...

Кто этим смыслом меряет
несущихся во мрак
на комарах, на меринах,
на выстрелах и так...

Здесь родина убитого!
В листочках кружевных
ни одного забытого
на тысячу живых;

Ни одного любимого,
оставшегося жить.
Смертельно так ранимого,
что в никуда бежит.

Он учит уму-разуму
с позиций и высот.
Мы счастливы по-разному,
и в смерти нам везет.

4.

Конечно, я гений, могу всех послать.
Посредственность думает, где бросить кости.
Её беспокоит что есть и где спать
больше, чем рифма и прочие пакости.
Только не надо думать, *что бездарь* —
он решает свои и чужие задачи.
Может писать (заготовок бездна),
а может вскопать огород на даче.
При этом легко сочиняет стишки.
В его арсенале фуги, пейзажи (белым на сером) —
он может всё, и приходят к нему мартышки —
смотреть и завидовать до усеру.

∞

Никакой истории нет, что напишем — и станет ею.
Что придумаем, типа: «Свет доходил очень долго...» — верю!
Тьма ложилась волчком у ног, распрямлялась, как тень примата.
Пять часов меня сон волок — безобразно лицо примято.

Напишу: «Он любил ее по согласию или против...»
Время — буквами до краев, сердце — стрелами злых эротов..
Слышал шепот, не видел слёз. И бежит в никуда, гонима,
ночь чудовищная, как пес, огрызающийся на имя...

∞

У фараона страх — не нальется Нил
и не наполнит страстью между коленей.
Утро совпало с праздником лучших сил,
дарящих свет, струящийся без волнений

за поворот событий, где все умрут
то ли от черной оспы и прочей язвы,
то ли от времени, резвого, словно ртуть,
то ли от бога, который иначе назван.

Но фараон не стар и еще вполне
может без помощи сам с собою сражаться.
Дав неленивой себя обласкать волне,
не волноваться и многим распоряжаться.

В день, когда, несмотря на страх, разольется Нил
и выйдет из берегов, как чужое войско,
жизни сметая в желтый пылающий ил,
плавающий на солнце не хуже воска,

он и прошепчет Нилу про свой недуг,
Солнцу, падающему на песчаную крышу.
И тенью на лицах колонн промелькнет испуг,
и скарабеи забьются в дальнюю нишу.

∞

Он хотел делиться бы любовью,
потому что больше было нечем,
потому что был еще не вечен,
озверён, а не очеловечен,
желчью рвал, не раз мочился кровью.

От борьбы, от грубых тел и сплетен,
мести ненадежного желудка,
ледяных ночей — «убей ублюдка!» —
выбило на нем его столетье.

Вот нашлись бы для него краюха,
рыбина с драчливыми глазами,
между злой землей и небесами —
столько чуда, что не жалко брюха.

Вот была бы у него царевна
с выпяченной в глаз ему скулою...
Он дарил любовь с усмешкой злою,
ко всему испытывая ревность.

∞

Так пишу, будто я уже ухожу,
будто одной ногою уже не здесь.
Быстро сказано-сделано. На строчки гляжу:
чем дальше, тем больше похоже на месть.

Так пишу, будто я уже ухожу..
Так, два слова кому-нибудь
напоследок — ученому ли ужу,
или кролику белому, мол, и ты, Брут...

Так пишу, будто времени нет у меня.
У кого же его достаточно, милый друг.
А потом, будь воля моя и моя вина —
быстро-быстро сказать: «Адью!»

Быстро-быстро увидеть и ленточкой перевязать
мои детские страхи и взрослые. Что, пора
уходить и прощаться? Вперед ли идти, назад,
но сначала — кру-гом, но сначала — нале-напра...

Развернуться. По-прежнему думаешь: чем быстрее
завершится тут, тем скорей действия следующего черёд.
Милый мой, окстись, и пиши, будто камень грей,
и дыши на бездушное, пока оно не умрет.

ЗИМА ЕЩЕ

«Исходит снегом время»

*«Снег летел вверх...
Забежав вперед, в чужое время,
словно еще не привыкнув...
И не зная — куда»*

«Большая кончилась зима»

Я навсегда отравился зимой.
Снегом холодным, но огнеопасным.
Связь, что держала меня над землей,
с чем-то божественным и ненапрасным —
будто исчезла. Из книжки своей
бог не нашепчет, чтоб силы вернулись.
Время мое я узнаю быстрее
всех, угадаю по линиям улиц —
город, в котором дышать тяжело,
но по-другому уже не дышу я.
Снегом наестся до боли, чтоб жгло —
рот открывая для колких чешуек.

∞

Пусть будет снег, и будет мне тепло!
Жизнь горяча, насколько мы готовы.
Струится сквозь витражное стекло
свет ледяной: небесный и грунтовый —
по капле, по сверкающей серьге,
по зернышку и по слезе горячей.
Кто этот свет удерживал в себе,
чтобы раздать потом во тьме незрячей
и дальше жить среди горящих глаз,
ловя тепло от всех и отовсюду,
с последним богом сохраняя связь
и веря чуду...

ЗИМА ЕЩЕ

Под бледной марлей января
машинки, домики — игрушки
больших и малых. Со двора
их унесло на хутор «Грушки».

Бегут на горку, с горки вниз —
(Зима: «Кого здесь намела я?») —
чужие, господа, вернись,
верни на место, умоляю.

Мы испаряемся, нас нет.
Под прошлогодним слоем снега
совсем другой какой-то снег,
как будто и не падал с неба.

∞

К двенадцати — жизнь стала радостной —
устал мельчить декабрьский день.
Вернулась кровь — сорокаградусной,
но холодно, что ни надень.

В моей крови так мало водки
и тающих кристаллов льда
зимы, передающей сводки:
где я и ты, где ты да я.

Потом в отчетах нас не будет,
растает линия огня.
Второе «я» мое остудит
желанья — первого меня,

и назовет холодным богом,
и вывалит в снежной тьме,
и спрячется во сне глубоком,
не оставляя нас во мне.

∞

Я в бугристый лед поудобней лег,
застывая в прозрачной нише,
я увидел колотый этот лед
изнутри, как спасенье свыше.
Время выло, брало за воротник,
мяло воду в подмерзших лужах
на последнем вздохе, плывущих в них
глаз открытых сужая ужас.
А потом затихло, лед боль извѣрг.
Солнце раненое на пиках —
буйных сосен — нервно рвалось наверх,
рассыпаясь в холодных бликах.

ДИПТИХ

1.

Пока не станет время поперек,
молчи о смерти и о божьем даре,
Когда меня раздавит между строк,
пой о любви и будь ей благодарен,

о бесконечном — пой закрытым ртом!
Здесь нет живых и для бессмертных строчек.
Нет ничего, что снилось бы потом,
когда разлюбишь... Прочерк.

2.

Когда поперек горла время стоит,
не дышишь, а кровью на снег.
И женщина — та, что уже без обид
берет без любви твою смерть.

И ты не боишься прощания с ней,
всех слов расставания с ней.
Ты где-то огромною тенью теней
с лицом человеческим — в снег.

∞

Если и движет любовь — головою об стену!
Стену покрыли слова и разнесли по кускам.
Ты упиралась слегка, я — еще больше не в тему...
Резко стемнело от нас. Мир кучевым облакам!

Выпадем *легким* дождем или прольемся *тяжелым*?
Снами о страсти живой — город затопим до крыш?
Я буду не для тебя. Кем-то — другим отраженным.
Если и жил он — давно, с ним уже не повторишь!

ТРИПТИХ

1.

На микрорайоне выпал снег.
К черту все позамерзали трубы.
Колом лед, воды не то что нет,
но она тверда под ледорубом.
Чтоб ее не выпили жида,
воду заморозили на время.
И теперь в ней просто нет нужды.
И не распознать ни в ком еврея.

Хрустнет вся небесная тоска
простыней крахмальной на морозе.
И воды изогнутой куска
не увидит падающий в позе
головою в землю из окна
пьяный и счастливый дух Ивана.
Он летит на отблески огня,
но и там ждет ледяная ванна.

2.

На микрорайоне выпал снег.
Вышли мужички и девки дюжие.
Все они дебело-неуклюжие.
Я смотрю, что смогут, а что нет.

Будто кто-то спрятался в сугроб.
Ох, как раскопают, не обрадуют.
Хлопья с неба падают и падают.
Им еще корячиться по гроб —

разгребать. Что выпало, то выпало.
Это для меня здесь смысла нет.
Всё — курган, всё — чистый-чистый снег!
За него! И даже девка выпила.

3.

На микрорайоне выпал снег.
До конца он никогда не таял.
Здесь зима устраивает всех,
будто арифметика простая.
Это раз! Сидим на кухне — два.
Времена уже не те, не эти.
Их прямая для меня кривая,
(взять поправку на бухло и ветер);
Их кривая для меня пряма,
(жаль, что мимо денег, жизни мимо).
Всё, конец, танцуют все — зима!
А теперь: «За что мы любим зиму?..»

∞

И было нелегко, а стало трудно,
когда упал всей тяжестью на грудь.
И колется в карманчике нагрудном
значок за грусть.

А я лежу, как пионер убитый,
что выронил флажок, продулся в дартс —
седой, воинственный, небритый —
не Гамлет, не принц Датс...

Всё хорошо вокруг, и солнце ярко!
Так выставлены неба зеркала,
что сам себя не видишь, перестарка.
О, дайте угол! —
Не дают угла.

∞

Что этой, следующей зимой
скажу? — Я исчерпал все зимы,
все смерти, что придут за мной
путями зерен вместе с ними;

все жизни, что одна другой —
бессмысленнее без остатка.
Одна — с серебряной серьгой,
другая — с золотой десяткой;

одна с орлом, одна со львом,
одна с песком, одна со снегом.
Поднимешь веки им — бельмом
зима! И все мы в царстве неком.

ДИПТИХ

1.

Засыпает пушистый снег.
Зарываюсь лицом в подушку
от него, от тебя, от всех.
Перья — хлопьями — на макушку.

Продолжается жизнь во сне.
Белой мякотью, манной крошкой —
в небе мелкий зажжется снег
новогоднею неотложкой.

И лицом ощутишь во тьме
холод и теплоту ладоней.
И посмотришь в глаза зиме
сквозь промерзшие души доньев.

2.

Зима. Конец света близко —
в который раз плюс две тысячи...
Как снег по пятам Улисса —
по-лисьи нырнет и выскочит...

Путь гладок — ни гор, ни впадин;
не ждешь, что сойдет лавина;
мороженных виноградин
игристые стыннут вина.

То северно мне, то южно.
Кустарник шумит корявый.
И ветер, по звуку вьюжный,
то левой хлестнет, то правой,

сбивая с пути Улисса,
диктуя, чем жизнь наполнить;
холодной волной по лицам
откатывается в полночь.

Откатывается снегом,
в сверкающей прячась пыли.
Зима. Конец света следом,
а мы еще не приплыли.

∞

Запретить себе о зиме и снеге,
временах (о случайных) года.
Но они внезапны в любой беседе,
будто с черного валят хода;

достают стакан свой, свою бутылку,
наливают под край, под самый...
И уже придется признать, что был тут,
и делил: кто чужой, кто с нами.

Но самих себя и ругать не страшно...
Мы зимою косить не станем
ледяные заросли, снега пашни,
и в чужие не прыгнем сани.

Льдом железным время по самый ворот —
вот наш памятник в общей лодке!
То ли сыворотка, то ли небесный творог
забивает глаза и глотки.

Запретить о снеге и т-с-с... о кофте
и о катышках белой шерсти.
Всех погонит на курсы литья иковки
холодок по телесной жести.

∞

А если б радостно о смерти:
«Весна, не слишком бледный вид...»
И кто мгновениями вертит...
«Вниманье! — Говорит Аид!»

— «Идите *на...* и *в...*, а впрочем,
все оставайтесь *кто там где*.
Смерть не в сиюминутной порче,
а в общем пониманье дел.

Кто был никем, тот не был с нами,
кто был собой, тот не был мил,
но временами и местами
казалось: он спасает мир...»

Ему перечит Персефона:
— «Весна висит на волоске...
Ты главный здесь, а он для фона —
да будет свет в его тоске!..»

∞

Я иду от зимы не к весне —
а в обратном порядке:
вот ноябрь, а во сне —
даже лето в холодном припадке.

Желтозубое время дымит.
Затушив сигарету
в луже, будто на миг
и глаза вспышку приняли эту.

Видно, время, пора —
жизнь в разгаре сегодня.
Жаль, пришлось на четыре утра,
на июнь оказалось лишь годно!

Как бы я ни старался, ни шел —
путь к себе ни длинней, ни короче.
Я во сне приготовил обол —
и живу как хочу с этой ночи.

∞

Я, я стучу соседу в стену —
всегда сосед найдется с дрелью.
Он одержим, он неврастеник,
он проводник по запределью.

Работает с душой и с телом,
что избежали ломки в прошлом.
Я не наивен: мягко стелет —
сверлит настойчиво и пошло.

Я, я стучу — аж слышно в небе!
Не он один, мы вместе спятым.
На первом зазвучит молебен,
на третьем породнятся с пятым.

...Мы успокоимся, как пара
сиамских близнецов, супругов.
Ночь щедро кипятком и паром
обдаст из чертового круга.

И с улицы голубоватой —
холодной зимнею порою —
войдет бригада: кто с лопатой,
киркой и ломом — что нам роют?..

∞

Всё у меня времена года — их точно четыре? —
Как у собратьев по цеху — котики и собачки.
Птицы поют у них, нюхнув нашатырь.
Жалко им тварей... — Иронией не испачкай.

Много у них лягушек и разных мушек,
бабочек, паучков, а где ж мои дрозодилы?
Разрывается сердце от светом набитых тушек,
от равенства, братства и чистой их зоосилы.

Тихо у них, по-домашнему, а в мире — хаос
смерти и жизни, летящих победным клином;
женщин с острова Лесбос, забывших *house*,
ищущих нелюбви по горам и долинам.

Есть она точно, любовь, или должна быть? (*presto*)
Сволочь ты — говорят мне. — Был! В суете безбожной.
Я только поэт сегодня, сохраняющий время и место,
в которых живут недолго, но делают тьму невозможной.

∞

Человек еще хотел бы жить,
в нем поэт — подталкивает к краю.
Время тонкой ниточкой дрожит —
лесочкой натянутой играю.

Я еще узнаю, как близка
смерть, на жизнь похожая игрою.
Подсмотреть, но нет в груди глазка:
кто́ там, кто́ здесь, и кому открою.

ДИПТИХ

1

Еще не смерть касается крылом,
но ветерок ее идет от взмаха.
Врач воздух прописал — лечить надлом,
земли добавил — тонусом для праха.

Весь рацион — стремящийся к нулю —
пить хлорофилл и дождь вдыхать трехмерный.
И впитывая всё, что я люблю —
не мучиться взаимностью химерной,

не дорожить любовью — да, ничьей —
судьба любила! Жаль, что так всё в одно-
часье кончилось. Не знаю сам, на чьей
безумной стороне очнусь сегодня.

Где дождь без капель сушит мне глаза,
взвивается песок — воды родимей.
И я внутри кривого колеса
восьмерками вычерчиваю e-mail.

2

И жизнь понятна и приятна,
и смерть понятно-неприятна.
Мы тоже как цветные пятна,
разбросанные неопрятно...

Свет рыскает по всей арене
за клоуном и за собачкой,
за обезьянкой с полной тачкой...
Кренится тачка — справься с креном!

Выходим мы — в костюмах года —
блестящей сотканы иглою.
И электрическая мода
нас замыкает — дрыг ногою —

ток побежит по круглой сцене
и завершит смертельным трюком.
И темнота не обесценит
на расстоянье близоруком.

∞

Я говорю и с деревом, и с собакой
на непонятном даже мне языке.
Они отвечают — веткой качая, бляхой —
потусторонним — на внутреннем сквозняке.

Я приучил их к нервно-высоким ноткам,
когда матерю весь мир на его слонах.
Они понимают корою, хвостом коротким,
но я объясняю им на своих словах.

∞

У меня есть свой сугроб — намело
снега с четырех углов до небес.
Оседлаю белый горб. На метро —
не быстрее, только вспомни — я здесь! —

И такой, как ты хотела вчера.
Не почти, а именно что такой.
Успокой меня: что снега черта —
осевая между мной и тобой.

∞

Любовь всё делает прозрачным.
Неудержимую слезой —
день — просыпается двузначным
числом испуганным — зимой.

Полет ресниц щекочет щеку
и ухо делает тугим.
И по неведомому счету —
мы счастливы совсем другим.

И даже тем, что время глупо
вот-вот откажется от нас.
А, может, и оно иглу под
сердцами держит всякий раз.

Не шевелись, замри навечно,
мгновенье лучшее из всех...
И по невидимой нам встречной
летит, светясь, прозрачный снег.

∞

Все совпадения слов случайны —
автор ответственность не несет
за искажения черт печальных,
за ваших женщин, детей и скот.

Автор несет закусон (не гордый),
водки бутылку, всего себя,
стихотворения, воздух горний...
Многих по-разному не любя!

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЖЕВРЕМЯ

«Кто ночь прожил — вставать не хочет...»	7
«Убивает другая жизнь, а вот эта...»	8
Отчасти (триптих)	
«Господи, не дай мне умереть...»	9
«Человек от радости не спит...»	10
«Ледяная пустыня вокруг...»	11
«На яблочной диете Ева...»	12
«Тяжелым цветением пахнет...»	13
«Я видел, как стучал в стекло...»	14
«Ветер бросается на окно, весь сотрясая дом...»	15
Диптих	
«Есть у нас дождик московский...»	16
«Жизнь обростаёт сентябрём...»	17
«Кукурузные хлопья — хрустит листва...»	18
«Петербургские аллеи тяжелы...»	19
«Мне снились вопросы, но я не ответил...»	20
«Тоска придет и отнимет всех...»	21
«Нужно листьев палых собрать мешок...»	22
«Дождь меряет температуру...»	23
«Народ поет, хотя не может...»	24
«Листья за мной бегут...»	25
«Дождь безумный драит листьев медь...»	26
«Ночь, разломанная во сне...»	27
«Буду любить от радости, не от горя...»	28
«Еще одна реальность в дверь стучит...»	29

Посвящается снегу (цикл)	
«Выпал снег. Слой по самые уши машин...»	30
«Ничего естественного не будет...»	31
«За меня боролся этот ангел...»	32
«Ничего не сделаешь со словами...»	33

Поэт	34
«Какой же фрукт ты спрячешь между ног...»	35
«Виноградных наемся листьев...»	36
«Всё музыка — для паука...»	37
«Я мог бы тысячу и раз...»	38
«Только дают нам жизнь, и — тут же назад...»	39

Смелые стихи (цикл)	
«Столько зим исповедовал ленинский тезис...»	40
«Имели нас по всем статьям...»	41
«С позиций смысла здорового...»	42
«Конечно, я гений, могу всех послать...»	43

«Никакой истории нет, что напишем — и станет ею...»	44
«У фараона страх — не нальется Нил...»	45
«Он хотел делиться бы любовью...»	46
«Так пишу, будто я уже ухожу...»	47

ЗИМА ЕЩЕ

«Я навсегда отравился зимой...»	51
«Пусть будет снег, и будет мне тепло...»	52
Зима еще	53
«К двенадцати — жизнь стала радостной...»	54
«Я в бугристый лед поудобней лег...»	55

Диптих	
«Пока не станет время поперек...»	56
«Когда поперек горла время стоит...»	57
«Если и движет любовь — головою об стену...»	58

Триптих	
«На микрорайоне выпал снег...» (часть 1)	59
«На микрорайоне выпал снег...» (часть 2)	60
«На микрорайоне выпал снег...» (часть 3)	61
«И было нелегко, а стало трудно...»	62
«Что этой, следующей зимой...»	63
Диптих	
«Засыпает пушистый снег...»	64
«Зима. Конец света близок...»	65
«Запретить себе о зиме и снеге...»	66
«А если б радостно о смерти...»	67
«Я иду от зимы не к весне...»	68
«Я, я стучу соседу в стену...»	69
«Всё у меня времена года — их точно четыре?...»	70
«Человек еще хотел бы жить...»	71
Диптих	
«Еще не смерть касается крылом...».	72
«И жизнь понятна и приятна...»	73
«Я говорю и с деревом, и с собакой...»	74
«У меня есть свой сугроб — намело...»	75
«Любовь всё делает прозрачным...»	76
«Все совпадения слов случайны...»	77

Email: slava.winterman@gmail.com
LJ: <http://winterman.livejournal.com>
FB: <http://www.facebook.com/slava.winterman>

P.O.B. 27646, Jerusalem 91276, Israel, Izyaslav Winterman

Книги «Русского Гулливера»

Игорь Алексеев «Как умирают слоны»
Олег Асиновский «Плавание»
Георгий Балл «Круги и треугольники»
Анатолий Барзах «Причастие прошедшего зрения»
Александр Верников «Побег воли»
Валерий Вотрин «Жалитвослов»
Игорь Вишневецкий «На запад солнца»
Марианна Гейде «Бальзамины выжидают»
Александр Давыдов «Три шага к себе»
Галина Ермошина «Оклик небывшего времени»
Иван Жданов «Воздух и ветер»
Зиновий Зинник «Письма с третьего берега»
Александр Иличевский «Бутылка Клейна»
Юлия Кокоско «Шествовать. Прихватить рог...»
«Комментарии» № 28 (памяти Алексея Парщикова)
Илья Кутик «Эпос»
Павел Лемберский «Уникальный случай»
Маргарита Меклина «Моя преступная связь с искусством»
Алексей Парщиков «Ангары»
Константин Поповский «Следствие по делу о смерти принца Г.»
Александр Скидан «Расторжение»
Андрей Тавров «Парусник Ахилл»
Александр Уланов «Между мы»
Эдвард Фостер «Кодекс Запада. Битники. Стихотворения»
Борис Херсонский «Вне ограды»
Валерий Шубинский «Золотой век»
Татьяна Щербина «Исповедь шпиона»
Владимир Алейников «Поднимись на крыльцо»
Анна Аркатова «Знаки препинания»
Сухбат Афлатуни «Пейзаж с отрезанным ухом»
Алексей Афонин «Очень страшное кино»
Андрей Бауман «Тысячелетник»
Сергей Бирюков «ПОЭЗИС»
Игорь Богданов «Федоров в кино»
Игорь Булатовский «Стихи на время»
Елизавета Васильева «Настала белая птица»
Игорь Вишневецкий «Первоснежье»
Герман Власов «Музыка по проводам»

Владимир Гандельсман «Ода одуванчику»
Алла Горбунова «Колодезное вино»
Дмитрий Григорьев «Другой фотограф»
Лидия Григорьева «Сновидение в саду»
Андрей Грицман «Голоса ветра»
Владимир Губайловский «Судьба человека»
Дмитрий Драгилёв «Все приметы любви»
Игорь Жуков «Готфрид Бульонский. Книга стихов»
Аркадий Застырец «Онейрокритикон»
Валерий Земских «Кажется не равно»
Валерий Земских «Неразборчиво»
Лина Иванова (Полина Андрукович) «В море одна волна»
Антонина Калинина «Бересклет»
Константин Кравцов «Аварийное освещение»
Сергей Круглов «Народные песни»
Илья Кучеров «Стихотворения»
Елена Лапшина «Всякое дыхание»
Константин Латыфич «Человек в интерьере»
Константин Латыфич «Равноденствие»
Анатолий Ливри «Посмертная публикация»
Ольга Мартынова «О Введенском, о Чвирикe и Чвирке»
Зоя Межирова «Часы Замоскворечья»
Вадим Месяц «Безумный рыбак»
Арсен Мирзаев «Дерево времени»
Надежда Муравьева «Сarmenes»
Вадим Муратханов «Ветвящееся лето»
Канат Омар «Каблограмма»
Юрий Орлицкий «Верлибры и иное»
Алексей Остудин «Эффект красных глаз»
Константин Рубахин «Самовывоз»
Ры Никонова «Слушайте ушами»
Александр Самарцев «Части речи»
Екатерина Симонова «Сад со льдом»
Дмитрий Силкан «Всенощные бдения Фауста»
Сергей Соколкин «Я жду вас потом»
Юрий Соловьев «Убежище»
Александр Стесин «Часы приёма»
Дмитрий Строцев «Бутылки света»
Сергей Строкань «Корнями вверх»
Андрей Тавров «Зима Ахашвероша»
Андрей Тавров «Часослов Ахашвероша»

Фотис Тебризи «Черное солнце эросов»
К.С. Фарай «Поющий Минотавр»
Людмила Херсонская «Все свои»
Людмила Ходынская «Маскарад близнецов»
Наталья Черных «Камена»
Наталья Черных «Похвала бессоннице»
Феликс Чечик «Алтын»
Марк Шатуновский «Сверхмотивация»
Алексей Шепелёв «Сахар: сладкое стекло»
Аркадий Штыпель «Вот слова»
Ирина Роднянская «Мысли о поэзии в нулевые годы»
Андрей Тавров «Письма о поэзии»
Вадим Месяц «Поэзия действия»
Зинаида Миркина «Избранные эссе»
Наталья Горбаневская «Прозой о поэзии»
Юрий Казарин «Каменские элегии»
Владимир Беляев «Именуемые стороны»
Александр Зайцев «Тектоника»
Екатерина Перченкова «Сестра Монгольфье»
Анастасия Афанасьева «Полый шар»
Андрей Тавров «Матрос на мачте»
Андрей Тавров «Бестиарий»
Демьян Кудрявцев «Гражданская лирика»
Виктория Андреева «К небу поближе»
Александр Радашкевич «Земные праздники»
Наталья Горбаневская «Города и дороги»
Сергей Сольвьёв «Адамов мост»
Андрей Юрич «Ржа»
Марианна Ионова «Мэрилин»
Егор Мирный «На кострах заросшем Плутоне»
Евгения Изварина «Дом для одной свечи»
Андрей Коровин «Любить дракона»
Мария Ватутина «Цепь событий»
Юрий Казарин «Культура поэзии»
Ниджат Мамедов «Место встречи повсюду»
Хельга Ольшванг «Версии настоящего»
Александр Петров «Пятая сторона света»
Давид Паташинский «Читай меня по губам»
Наталья Черных «Солнечная»
Аня Цветкова «кофе сигареты яблоки любовь»
Максим Калинин «Часовые над Шексной»

Юрий Казарин «Глина»
Изяслав Винтерман «Точка с божьей коровки»
Елена Баянгулова «слова как органические соединения»
Александра Цибуля «Путешествие на край крови»
Дарья Верясова «Крапива»
Василий Нестеров «Ящеры поют»
Мария Суворова «Маленькие Мари»
Александр Петрушкин «Геометрия побега»
Гала Узрютова «Обернулся, а там — лес»
Сергей Морейно «Ж. как предчувствие»
Юрий Казарин «Стихотворения» (золотая библиотека)

Литературно-художественное издание

Изяслав Винтерман
ЛЖЕВРЕМЯ
Стихотворения

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оригинал-макет и вёрстка Екатерина Перченкова

Издательство «Русский Гулливер»
Тел. +7 (495) 159-00-59
E-mail: russian_gulliver@mail.ru
<http://www.gulliverus.ru>

Подписано в печать 26.02.2016
Формат 145 x 200
Гарнитура Cambria
Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Cherry Pie
112114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12